

Сандра Браун
Соседка
Серия «Завтрак в постель», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9063819
Сандра Браун. Соседка: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74536-4

Аннотация

Рядом со своей подругой Алисией застенчивая Слоун всегда чувствовала себя неуверенно. Стоило Ачисии надуть губки, как мир начинал крутиться вокруг нее: Вот и теперь она легко уговорила Слоун сдать комнату своему жениху Картеру Мэдисону. Но, открыв ему дверь и встретив прямой взгляд карих глаз, Слоун поняла, что на сей раз выполнить просьбу подруги будет очень непросто...

Содержание

1	5
2	14
3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сандра Браун Соседка

© Келер М, перевод на русский язык, 2011

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

© 1983 by Sandra Brown This translation is published by arrangement with Bantam Dell Books, an imprint of the Random House Publishing Group, a division of Random House, Inc. All rights reserved

Художественное оформление С. Власова

* * *

1

Держа в одной руке чемодан, а в другой – портативную пишущую машинку, он стоял на крыльце «Фэйрчайлд-Хауса»; очки в узкой черепаховой оправе были подняты на лоб. Похоже, незнакомец был немного смущен тем, что ему пришлось вытащить ее из постели.

Едва увидев его, она поняла, что погорячилась, пообещав оказать услугу Алисии.

Она – Слоун Фэйрчайлд, владелица и хозяйка заведения, предлагающего «постель и завтрак» нуждающимся, – прислонилась к косяку арочной двери, переминаясь с одной босой ноги на другую, и так крепко зажала воротник халата, что костяшки пальцев побелели.

Первого же взгляда на этого мужчину было достаточно, чтобы у нее засосало под ложечкой и по всему телу стала расплзаться сладкая истома. Внезапно она ощутила свою наготу под ночной сорочкой и халатом. К стыду Слоун, в ней пробудилось и нарастало сексуальное возбуждение.

– Вы – Слоун? – наконец заговорил он. – Мисс Фэйрчайлд?

Она закивала головой, как китайский болванчик.

– Картер Мэдисон, – представился незнакомец. – Я, кажется, разбудил вас?

Об этом можно было и не спрашивать: ее вид – спутанные волосы, наспех накинутый халат, босые ноги – говорил сам за себя.

– Да. Извините, что я... – Слоун выразительно провела рукой вдоль тела, а затем снова сжала воротник халата. – Я... Я полагала, что вы приедете пораньше. Входите.

Она отступила в сторону, слегка приоткрыв тяжелую дубовую дверь. Картер вместе со своим багажом едва протиснулся в образовавшийся проход.

– Я хотел вылететь раньше, – принялся объяснять он, – но у Дэвида был сегодня футбольный матч, и он, оказывается, планировал устроить небольшую вечеринку, да тут вдруг узнал, что меня не будет. Вот мне и пришлось позвонить и отложить рейс. А игра началась после уроков. Но мы все же отпраздновали победу гамбургерами и танцами. В общем, я едва успел в аэропорт на последний самолет. Разве Алисия вам не позвонила?

– Нет.

– Извините, – вздохнул Картер. – Мы договорились, что она позвонит и скажет, что я задерживаюсь. – Поставив чемодан и машинку на пол, он расправил плечи.

– Это не важно. Правда.

Мэдисон выпрямился в полный рост и посмотрел на Слоун сверху вниз. Девушка встретила его взгляд и поняла, что таких необычных глаз ей еще не доводилось видеть. Даже слабый свет ночников, которые она зажгла в коридоре, подчеркивал их необычайный оттенок – светло-карий, напоминающий цвет хереса. А ресницы были цвета красного дерева – в точности такие же, как и его густая шевелюра, на которой сейчас играли отблески света.

– Мне очень неловко, что из-за меня вам пришлось встать, – продолжал Картер. – Тем более что вы и так, как сказала Алисия, без восторга восприняли сообщение о моем приезде. – Его кривая усмешка была чересчур уж самоуверенной, даже несколько нахальной, но невероятно обаятельной.

Слоун механически поправила прядь волос, свисающую ей на лоб. Ей явно было не по себе от этого растущего возбуждения.

– Я была не то что против вас, мистер Мэдисон, – объясняла она, стараясь говорить уверенно. – Дело в том, что в заведениях, подобных моему, в основном останавливаются пары. А поскольку я женщина одинокая, то моими гостями становятся или семейные пары, или женщины, путешествующие вместе.

Картер оценивающе оглядел ее фигуру.

– Что ж, идея неплоха. У вашего заведения отличная репутация.

– Да уж, – подтвердила Слоун, плотнее запахивая халат. Ее тело буквально затрепетало под его взглядом. Бывает же такое: жила она поживала с этим телом почти тридцать лет и горя не знала, а тут вдруг за пару минут оно совершенно изменилось, перестало ей подчиняться.

– А вам не кажется, – спросил Мэдисон, – что подобные правила наносят вред вашему бизнесу?

Слоун улыбнулась:

– Честно говоря, я едва свожу концы с концами. И конечно, ценю каждого гостя, готового мне платить.

– А я такой гость и есть, – заявил Картер. Непонятно почему, но его слова прозвучали как интимное признание.

Девушка решительно выпрямилась.

– Я согласилась принять вас лишь потому, что вы – жених моей лучшей подруги. Она попросила меня дать вам приют, чтобы вы могли перед свадьбой в спокойной обстановке дописать последнюю главу вашей книги.

– «Спящая возлюбленная».

– Простите?

– «Спящая возлюбленная». Так называется роман.

– О! – только и смогла выдохнуть Слоун.

– Вы читали мои книги?

– Да.

– И они вам понравились?

– Некоторые места. Я...

– Какие же именно места? – перебил ее Картер.

– Почти все, – засмеялась Слоун, которую развеселило его любопытство. Картер явно остался доволен ее ответом, и на лице его заиграла чересчур теплая улыбка. Это уж было слишком для девушки, и без того находящейся в смятении. – Как хорошо, что у вас с Алисией все заладилось, – резко сменила она тему разговора.

– Она замечательная женщина.

– О да! – воскликнула Слоун. – Я думала... Нет, впрочем, ничего.

– Продолжайте. Так что вы думали?

– Что ж, я просто хотела сказать. Мне казалось, что Алисия никогда не оправится после гибели Джима. И она, и мальчики так тяжело переживали его смерть. Но когда я разговаривала с ней недавно, у нее был такой радостный голос. Это ваша заслуга. Ведь вы, кажется, занялись всеми их делами после смерти Джима?

– Я был в Китае, когда это случилось. И вернулся домой сразу, как только смог. Джим Рассел много лет был моим лучшим другом. Поэтому помогать его вдове было не тяжелой обязанностью, а честью для меня.

«Помогать, чтобы потом жениться на ней?» – так и хотелось съязвить Слоун. Но она промолчала на сей раз. Она уже и так совершила ошибку, обсуждая все это с Алисией...

«Это замужество так много значит для меня, – говорила тогда Алисия. – С тех пор, как Джим... Да что я объясняю, Слоун, уж кто-кто, а ты знаешь, как мне было одиноко и как нелегко одной воспитывать мальчишек. Картер – замечательный, он так терпелив со мной и с сыновьями. Но, похоже, он немного устал за последнее время. Вот я и решила, что нам нужно ненадолго расстаться, прежде чем сделать последний, решающий шаг».

«Алисия, – задумчиво спросила ее Слоун, – а ты хоть любишь Картера?»

Наступила долгая пауза, а потом Алисия отрывисто заговорила:

«Конечно, люблю. Мне всегда нравился Картер. Они с Джимом были лучшими друзьями. Он хочет заботиться обо мне и о мальчиках. Картер любит меня, а я обожаю его».

«Ясно-ясно, – нетерпеливо перебила ее Слоун, прекрасно понимавшая, что ее подруга не совсем откровенна. – Ты мне уже тысячу раз говорила, что Картер и Джим выросли вместе, вместе ходили в школу и были почти как братья. Но достаточно ли этого, чтобы выходить за него замуж? Алисия, Картер – это не Джим!»

«Это жестоко, Слоун, жестоко! – воскликнула Алисия. – Разумеется, я никогда не смогу полюбить кого-нибудь так, как любила Джима. Но Картера я тоже люблю. Правда, по-другому. Из-за этого Джейсона ты теперь всегда будешь скептически смотреть на отношения между мужчинами и женщинами. Поэтому ты и заперлась в этом старом доме и вот уже два года – с тех пор, как этот сопляк обманул тебя, – ни на одного мужика не посмотрела!»

Поскольку ее подруга была абсолютно права, Слоун извинилась и бросила этот разговор. Похоже, Картер и Алисия пришли к полному согласию. Никогда не надо обсуждать с кем-то свои сердечные дела...

Отгоняя от себя эти воспоминания, девушка воскликнула:

– Что же это я держу вас в прихожей! Вы наверняка хотите пройти в свою комнату.

– Да нет, мне не на что жаловаться, сразу видно, что вы человек гостеприимный. И это моя вина в том, что я не дал вам спать. А что, все уже легли?

– Три из шести спален заняты, – ответила Слоун. – Да, все направились в свои комнаты сразу после ужина. – Казалось, этими словами она подчеркнула, что они были наедине в полумраке коридора, что на ней был лишь халат да ночная рубашка и что она была босиком. Слоун нервно облизнула губы кончиком розового языка. – Алисия сказала, что вам нужна большая комната с ванной. – Девушка указала слегка дрожащей рукой на лестницу. – Последняя дверь в конце коридора.

Но, похоже, Картер пока не собирался идти наверх. Во всяком случае, с места он не сдвинулся.

– А вы не побоялись открывать дверь мужчине в столь поздний час?

– Алисия описала вас. И я узнала вас по фотографии на обложке вашей книги.

Мэдисон удивленно приподнял брови. Девушка обратила внимание на их асимметричность: одна бровь была изогнута ровной дугой, зато вторая была совершенно прямой и лишь с внешней стороны немного загибалась вниз.

– О господи, неужели?! – воскликнул он. – Мой агент настоял на том, чтобы я надел дорогой костюм. Кажется, меня даже причесали, перед тем как сфотографировать.

Зато сейчас нельзя было сказать, что он недавно пользовался расческой. Сан-францисский туман покрыл его шевелюру вуалью из сверкающих мелких капель, которые то и дело стекали по рыжеватым волосам ему на лоб, на уши и на воротник. Впрочем, всклокоченные волосы Картеру шли. А его потертая зеленая армейская куртка явно никогда не висела в дорогом магазине. У нее был такой вид, словно она пережила множество войн, начиная с кампании 1812 года. Впрочем, линялые джинсы и разношенные адидасовские кроссовки тоже не были приобретены в шикарном магазине.

Действительно, та глянцевая черно-белая фотография, которую Слоун увидела на обложке «Парижского бегства», была просто пародией на его живое и улыбочивое лицо. Вчера Слоун перерыла все у себя на полке в поисках книги Мэдисона, чтобы взглянуть на фото жениха Алисии. А взглянув на снимок, она поставила книгу назад на полку и думать забыла о Картере Мэдисоне.

Вот теперь-то было ясно, как мало эта невыразительная фотография на обложке свидетельствовала о лице Картера. У него была слегка помятая физиономия, но для своих тридцати четырех – Алисия сказала Слоун, сколько Мэдисону лет, – он выглядел прекрасно. От носа к уголкам рта пролегли едва заметные морщины, да, когда он улыбался, вокруг глаз лучились мелкие складочки. Неестественно широкая улыбка на фотографии мало походила на его ленивую, чувственную улыбку, приоткрывающую ряд сверкающих белых зубов. На

снимке нос придавал его лицу высокомерно-снисходительное выражение, а на самом деле это был просто длинный, прямой, одним словом, самый обычный нос.

Дорогой костюм начисто скрыл его мускулистое тело. Длинное и упругое, оно в то же время было сильным и пластичным. Казалось, Мэдисон точно рассчитывал все движения и никогда не делал ни одного лишнего.

– Так куда идти? – спросил Картер. Слоун от неожиданности вздрогнула.

– Ох, извините, я задумалась! Ваша комната давно готова. Я уверена, вы устали с дороги. Подождите секундочку, я только возьму ключ. – Довольная, что нашла наконец причину больше не паяниться на Мэдисона, девушка направилась к своей конторке под лестницей, но он остановил ее.

– Мне очень неловко беспокоить вас, но я ужасно хочу есть. В полете подавали лишь жареный арахис. Есть ли шанс запоздалому гостю, готовому все оплатить, получить от радушной хозяйки хотя бы тарелочку кукурузных хлопьев? Даже не обязательно хлопьев – чего угодно. Я всеяден.

– На ужин я подавала тушеное мясо. Сандвич с говядиной вас устроит?

– И вы говорите это изголодавшемуся мужчине, готовому удовольствоваться кукурузными хлопьями?! – воскликнул он, прижимая руку к сердцу.

Стараясь не поддаваться под его обаяние, Слоун промолвила:

– Садитесь за стол в столовой. – Она указала на комнату слева. – Сейчас я все приготовлю и принесу вам.

Раздался легкий щелчок выключателя, и столовая комната мгновенно осветилась мягким сиянием, льющим из хрустальной люстры. Стол уже был накрыт к завтраку – Слоун всегда выставляла приборы с вечера, сразу после ужина. В электрическом свете поблескивал хрусталь, на крахмаленной льняной скатерти тускло мерцали серебряные приборы, а на фарфоровых тарелках высились затейливо сложенные салфетки. В центре стола стояла антикварная ваза с букетом живых цветов, придававших этой достаточно чопорно убранной столовой домашний вид.

– Что же мне, одному там сидеть?

Повернув голову, Слоун заметила, что Картер стоит очень близко к ней и через ее плечо разглядывает элегантно обставленную комнату, которую девушка очень любила и которой втайне гордилась. Мэдисон опустил очки на нос и в таком виде еще больше понравился хозяйке.

– Я не... – начала было Слоун, но Картер перебил ее:

– Вижу, что вы уже накрыли стол для завтрака. Может, мне попросту примоститься где-нибудь в кухне и съесть сандвич там? И будет лучше, если вы положите его на бумажную тарелку.

– Да?.. Пожалуйста, – неуверенно произнесла девушка.

Картер придвинулся к ней еще ближе, и Слоун пришлось задрать голову вверх, чтобы посмотреть на него. Она так нервно теребила рукой ворот халата, стараясь сдержать бешеное биение пульса, что на мягкой ткани осталось влажное пятно.

Мэдисон внимательно поглядел на ее лицо, на тонкую руку, помолчал, а затем тихо спросил:

– А где у вас кухня?

– Сюда, – показала она и тут же поняла, что напрасно это сделала – никто из ее гостей ни разу не бывал в кухне. Чистой воды безумием было приглашать туда одинокого мужчину, но в то же время ничуть не лучше препираться с ним в полутемном коридоре. Если бы еще на ней была нормальная одежда, а не эта ночная рубашка с халатом! Но все равно не стоило выполнять его просьбу. Все едят в столовой, и ему тоже следует есть там! В конце-то концов, хозяйка она или нет?! И куда только подевалась ее обычная решимость?

Продолжая злиться на себя, Слоун повела Мэдисона по коридору, но, как ни странно, это казалось совершенно естественным, словно она то и дело водила одиноких мужчин в свою кухню. Он оставил машинку и чемодан у лестницы и теперь стягивал с себя куртку.

Слоун включила в кухне свет и принялась за дело. Картеру повезло: его поздняя трапеза состояла не только из сэндвича с мясом. Хозяйка достала оставшийся от ужина фруктовый салат, кусок шоколадного пирога и, по просьбе Мэдисона, отказавшегося от кофе, налила ему высокий стакан молока. Она чувствовала, хлопоча над ужином, что он глаз с нее не сводит. Ей это нравилось, но и вызывало беспокойство, она еще и не сознавала почему. Потом, напомнив себе, кем он был и зачем сюда приехал, Слоун проговорила:

– А Алисия не говорила мне, что Дэвид играет в футбол.

Вот! Вот о ком надо говорить! Имя Алисии в одно мгновение установит незримую преграду между ними! И тут же не стало ничего особенного в том, что он сидит ночью в ее кухне, куда прежде не допускался ни один постоялец, и ест за ее маленьким рабочим столиком поданный ему одному ужин. Единственная мысль не выходила из головы: догадывается ли Картер, что под халатом она почти что голая?

«Что за нелепая мысль, Слоун! – мысленно возмутилась она, обращаясь к самой себе. – Все люди под одеждой голые!»

Мэдисон откусил порядочный кусок сэндвича, запил его большим глотком молока, вытер рот салфеткой и лишь затем ответил:

– В футбол начинают играть с малолетства. Некоторые из этих маленьких проказников, знаете ли, умеют бегать.

– Я уверена, что Дэвиду было очень важно, чтобы вы наблюдали за матчем. – Слоун поигрывала сахарницей, покачивая ее из стороны в сторону на середине стола. В кухне было прохладно, потому что девушка из экономии всегда выключала там на ночь отопление. Она надеялась, что Картер хотя бы не заметит, как у нее напряглись соски, или, по крайней мере, не поймет, отчего это случилось. Зато сама она отлично знала, в чем причина. Яснее все стало бы лишь в том случае, если бы на ее грудь нацелилась некая красная неоновая стрелка, словно восклицая: «Гляньте-ка сюда, она возбуждена! Возбуждена!»

– И Дэвид, и Адам – очень милые ребята, но им явно не хватает мужского влияния. Дедушки и бабушки с обеих сторон чересчур балуют их. А Алисия не может быть достаточно твердой. Она боится, что жесткая дисциплина сейчас может принести только вред, повлиять на их психику: ведь мальчишки очень тяжело переживали смерть отца.

– Да, это так ужасно! Такая нелепая гибель! Уверена, что они переживают не только из-за самой смерти Джима, но и из-за всех разговоров вокруг этого несчастья.

– В этом нет никакого сомнения. – Картер ударил кулаком по столу. – Черт возьми, мне до сих пор не дает покоя мысль о том, чем все-таки была занята голова Джима, когда он гнал на такой скорости, стараясь вырваться вперед! Поставить на карту не только свою, но и их жизни! Это не просто чистой воды эгоизм, это настоящая глупость! Идиотизм! Когда он хвастался передо мной этой своей машиной, я советовал ему избавиться от нее и не думать о гонках всерьез! – горячился Мэдисон.

Слоун разделяла эту точку зрения, но никогда не высказывала своего мнения вслух.

– Знаю, что нельзя сейчас так говорить, – возмущенно продолжал Картер, – но до сих пор чертовски зол на него за безответственное, недопустимое отношение к Алисии и ребятам.

Отпив еще глоток молока, он посмотрел на хозяйку поверх стакана.

– А вот ведь что забавно, – заявил вдруг Мэдисон, поставив стакан на стол. – Я был лучшим другом Джима, а вы – лучшая подруга Алисии, но мы ни разу не встречались. Почему вас не было на их венчании?

Девушка с усилием оторвала взгляд от его рта: казалось, он занимает ее куда больше, чем какие-то там разговоры.

– А? Что? Ах да!.. Я была в Египте.

– Так вы отправились в Египет только для того, чтобы не присутствовать на их свадьбе?

Она искренне рассмеялась:

– Да нет, что вы! Просто мои родители – египтологи. Они заставили меня поехать с ними в трехмесячную экспедицию. Алисия угрожала, плакала и ругалась, но ничего не помогало. Я уже пообещала родителям составить им компанию и не могла отказаться от поездки, а специально приехать на свадьбу тоже не могла – это слишком дорогое удовольствие.

Неужели он разглядывал ее грудь? Похоже, что так. *Господи!* Девушка нарочито небрежным жестом сложила на груди руки.

– А вы... – рассеянно спросил Мэдисон, явно думая о чем-то другом, – ...вам понравился Египет? – Его голос зазвучал как-то странно, словно он подавился и едва говорит.

– Да... Весьма...

На самом-то деле Слоун возненавидела эту поездку; ни одной секунды в Египте она не чувствовала себя довольной. Для ее родителей эта экспедиция была жизненно важной: отец Слоун преподавал историю в Лос-Анджелесском университете, а ее мать до замужества была у него ассистенткой и помогала вести исследовательскую работу. Они были без ума от древних цивилизаций и уговорили свою дочь поехать с ними.

Но произошло именно то, чего девушка боялась. В Египте все было в точности так же, как дома, где она, по сути, была бесплатной служанкой у своих родителей. Слоун занималась документами, упаковывала вещи, следила за их одеждой, назначала деловые встречи и напоминала о них отцу с матерью. Они же в основном были заняты исследованиями, а когда выдавалась свободная минутка, переключали свое внимание друг на друга, забывая обо всем на свете, включая и собственную дочь.

– А чем вы занимались до того, как открыли свой «Фэйрчайлд-Хаус»? – продолжал Картер свое «интервью».

Девушка отнесла эту его страсть задавать вопросы к писательскому любопытству. Впрочем, ее история была совершенно неинтересна, и она боялась наскучить Картеру. Да к тому же воспоминания нередко причиняли ей боль, поэтому Слоун предпочла отвечать вежливо, но не вдаваться в подробности.

– Я работала в одной компании в Бербанке. Компания производит и продает офисное оборудование.

– И вы бросили работу ради этого старого чудного дома в Сан-Франциско? – Его глаза поблескивали лукавым огоньком.

– Но я и в самом деле принесла большую жертву! – воскликнула Слоун с печальным видом, но едва она взглянула на Картера, как они тут же вместе расхохотались. И ей это понравилось.

– А каким образом вы приобрели этот дом? – настойчиво расспрашивал ее Мэдисон.

– Этот дом, как какой-нибудь пустяк, был включен в завещание моего дедушки. Родителям он был совершенно ни к чему. Я приехала сюда специально, чтобы только взглянуть на него, а увидев, просто влюбилась.

Слоун тогда вернулась в Лос-Анджелес, уволилась с работы, сообщила родителям о неожиданном повороте в своей жизни и уже через несколько недель переехала.

– Я потратила на реставрацию дома все деньги, что оставил мне дедушка, все, до последнего цента. Дом был в ужасном состоянии.

– Но зато прямо на Юнион-стрит! Господи, да вам просто повезло!

– Дом находился за полуразвалившимся складом, его и не видно было. Иначе, я абсолютно уверена, его бы попытались купить. Он принадлежал дедушке еще в тридцатые годы,

но долго простоял пустым. Некоторое время назад склад снесли. Так вот: теперь, судя по налогам, я владею очень дорогой недвижимостью. А на самом деле приобретение этого дома ничего мне не стоило.

Мэдисон оглядел уставленную современным оборудованием кухню, которую пришлось полностью переделывать.

– Вы сделали очень много, – с восхищением промолвил он. – Дом просто великолепен.

– Благодарю вас. Теперь моя задача – удержаться на плаву до тех пор, пока я не начну получать серьезную прибыль... – Для подкрепления своей мысли Слоун сцепила пальцы рук, сжала ладони и крепко зажмурила глаза. Картер рассмеялся.

– А я-то думал, что вы – такая же, как Алисия. Оказывается, нет! – воскликнул он.

Слоун прекрасно знала это. Алисия была королевой красоты их колледжа в Лос-Анджелесском университете, когда они подружились. Блондинка с голубыми глазами и пышными формами – рядом с ней Слоун чувствовала себя гадким утенком.

У Слоун волосы были темно-русыми, но некоторые пряди отливали золотом. Цвет глаз напоминал цвет неба, просвечивающего сквозь дымчатое стекло. Сложена она была почти так же, как Алисия, но фигурка Слоун была менее привлекательной и не такой вызывающей, как у ее подруги.

– Не стану спорить, – согласилась Слоун, стараясь не обращать внимания на любопытные взгляды Мэдисона. Писатель как-никак! А писатели всегда собирают материалы для своих книг, разве не так? – Алисия – настоящая красавица.

– Вы тоже.

Встав со стула, Слоун задела бедром стол, за которым они сидели.

– Спасибо за комплимент. Хотите еще чего-нибудь? – нервничая, спросила девушка, смущаясь от того, что ее руки предательски тряслись, когда она потянулась за тарелками. У нее не было бумажной посуды.

Поставив грязные тарелки в раковину, Слоун включила воду.

– Я покажу вам ваши комнаты, – сказала она, вымыв посуду.

Проходя мимо Картера, Слоун старалась не смотреть на него, не обращать внимания на то, как ловко его рубашка облегает мускулистый торс и как узкие джинсы обтягивают его стройные бедра и то место, на которое порядочные женщины вообще не опускают глаз.

«Господи, я превращаюсь в выжившую из ума старую деву, которая только об одном и думает!» – со злостью упрекнула она себя.

А вслух громко произнесла:

– Надеюсь, комнаты вам понравятся.

Открыв дверь в конторку, где в специальных ячейках висели ключи с бирками, она выбрала один и подбросила его в руке. Затем протянула ключ Мэдисону, стараясь не дотрагиваться до него.

– А там... там есть стол, куда можно поставить машинку? – спросил Картер.

– Да, я сама принесла его туда. И еще стул...

– Благодарю вас. Вы даже не представляете себе, как замечательно работать, когда никто тебе не мешает.

– Да, признаюсь, мне было интересно, почему вы не могли дописать свою книгу в Лос-Анджелесе. Алисия говорила мне, что вы будете там жить, и я думала, у вас в этом городе есть свой дом.

– Верно, есть. Прямо на побережье. Чудное местечко. Там и вправду есть все необходимое.

– Но тогда... – нерешительно произнесла Слоун.

– Включая телефон, – перебил ее Мэдисон. – И все знают его номер. Вот звонит, например, мне мать Алисии и спрашивает, не знаю ли я, какого цвета платье будет у моей матери

на нашем венчании. Но когда я предлагаю ей самой позвонить моей матери и спросить ее об этом, она восклицает: «Ох! Не могу же я беспокоить ее по пустякам!» Потом звонит отец Алисии и приглашает меня позавтракать в компании его приятелей. А когда я отказываюсь, ссылаясь на работу, он совершенно искренне говорит: «Но тебе же надо хоть иногда есть!» Вслед за ним звонит Алисия, затем – Дэвид, а после него – Адам и...

– Крошка Адам? – со смехом спросила Слоун, живо представив себе всю эту кутерьму. – Но ему же только три годика!

– Ну и что? Он уже умеет набирать мой номер. – Картер покачал головой. – Не могу же я кричать на них. Они не понимают, как это неприятно, когда кто-то прерывает ход твоих мыслей!

– Ну хорошо, а что вы станете делать после женитьбы? Вам ведь все равно надо будет работать, а они едва ли будут вести себя по-другому.

– Да, но тогда я смогу и прикрикнуть на них!

Они вновь тихо засмеялись и неожиданно почувствовали удивительную близость, словно были знакомы сто лет.

– Ну что же, – весело промолвила Слоун, – зато здесь вас никто не будет беспокоить. В комнатах телефонов нет.

– Вот это мне и нужно в данный момент. – Картер был явно очень доволен.

– Алисия сказала, что вы будете работать почти все время. – Слоун надеялась, что Мэдисон не заметил ее возмущенного тона. – Ведь вам, кажется, осталось написать всего одну главу.

Они подошли к лестнице, но Картер, похоже, и не думал брать свой чемодан или машинку. Во время еды он поднял очки на лоб, а теперь опять опустил их на глаза, но не для того, чтобы лучше видеть, а чтобы провести рукой по высохшей лохматой шевелюре.

– Это меня и убивает.

– Разве вы не знаете, чем закончится ваш роман? – Одну руку Слоун положила на дубовые перила, за долгие годы до блеска отполированные ладонями и локтями, а другой опять затеребила пояс халата. Было тихо, они разговаривали приглушенными голосами. Девушка старательно отводила взгляд от курчавых волос на груди Картера, видневшихся из-под расстегнутой сверху рубашки. Ей ужасно хотелось дотронуться до них, но она отгоняла от себя эту мысль.

– Знаю, разумеется. Но мне надо дописать сцену, в которой герой одолевает наконец мерзавца. А также описать любовный акт между двумя главными персонажами.

– Думаю, теперь, когда вас никто не станет отвлекать и вы сможете спокойно сосредоточиться, это будет несложно. Вам удастся замечательно передавать переживания героев, и я уверена, что уж в романе с названием «Спящая возлюбленная» у вас не возникнет трудностей с описанием любовных сцен.

Мэдисон широко улыбнулся:

– Но спящая возлюбленная – это не женщина.

– А кто же – мужчина?! – оторопело спросила девушка.

Картер громко засмеялся, но, услышав ее предупредительное «ш-ш-ш!», сдержал смех, а глаза его улыбались.

– Такого просто не может быть с героем Картера Мэдисона, – промолвил он наконец, притворяясь обиженным. – В моем романе слово «возлюбленная», а правильное было бы сказать даже «возлюбленное», напрямую связано с чувством долга главного действующего лица. Именно это чувство он пестует в себе. Оно ведет его к цели, руководит всеми его поступками. Но вот однажды он встречает женщину своей мечты, и чувство долга отступает на второй план. Впрочем, в романе все это станет понятным лишь на последних страницах.

Слоун не осознавала, что оказалась в ловушке между Картером и стеной, пока не уперлась в эту стену затылком. Подняв глаза, она посмотрела на Мэдисона.

– Так чем же дело кончится? Что выберет ваш герой? – поинтересовалась она. – Бросит женщину?

Картер пожал плечами, внимательно разглядывая ее лицо, полускрытое тенью. Ее кожу обжигало его теплое, ароматное дыхание.

– Думаю, я оставлю героя наедине с его размышлениями на этот счет. Пусть сам примет решение, но есть еще и героиня. Сможет ли женщина любить мужчину, зная, что он себе на уме и что из их любви ничего не выйдет?

Слоун едва сдерживала себя, чтобы не прижать к груди руки – ее соски вновь напрялись.

– А может, она не будет очень сильно его любить, – предположила девушка. – Может, он заставит ее?

Картер отрицательно покачал головой, не сводя с нее глаз:

– Нет, это исключено. Он же герой, не забывайте этого. А герои никогда не берут женщин силой. К тому же он знает, что она тоже страдает от неопределенности – как и он сам.

– Неужели? – спросила Слоун.

– Я почти уверен в этом.

– Так, значит, у романа будет грустный конец?

– Нет, скорее это будет не грусть, а горькая радость.

– Не думаю, что мне захочется его прочитать, – призналась девушка.

– Зато вы можете мне помочь написать последние страницы.

Картер был уже так близко от Слоун, что она чувствовала жар его тела. В стеклах его очков она увидела отражение своего испуганного лица. А затем с удивлением осознала, что ее губы сами собой приоткрылись, а глаза заволокло дымкой – словом, ее лицо приняло выражение лица женщины, ожидающей поцелуя.

Черт, тема их разговора была настолько двусмысленной, что она потеряла над собой контроль! Тряхнув головой, Слоун осторожно выскользнула из ловушки, образованной его руками и стеной, и бросилась к ступенькам.

– Я провожу вас наверх, – выдохнула она.

– Слоун! – Даже если бы он не схватил ее за запястье, одно это обращение по имени, как к старой знакомой, поразило бы ее. Он произнес ее имя так, словно читал стихи. Девушка поглядела на его руку, сжимающую ее запястье, а затем перевела взгляд на лицо Картера. – Думаю, мне по силам отыскать комнату в конце коридора, – промолвил он, не сводя с нее глаз. – Тебе не стоит беспокоиться.

– Тогда увидимся за завтраком, – торопливо проговорила она. Интересно, он чувствует, как бешено бьется ее пульс? – Завтрак я подаю между половиной восьмого и половиной десятого.

– В постель?

У Слоун словно комок застрял в горле; Картер по-прежнему крепко держал ее руку. Она представила себе, как его сильные пальцы, сжимающие ее запястье, ласкают ее грудь и ей наконец становится легче. Слоун чувствовала, что буквально тает от его прикосновения.

– Что вы имеете в виду? – хрипло спросила она.

– Вы подаете завтрак в постель?

– Ну... если гость предпочитает не спускаться в столовую, я могу принести поднос с завтраком в его... ее... в комнату гостей, – договорила хозяйка.

– Я предпочитаю, – произнес он медленно, глядя ей в глаза.

2

Стоя у окна в своей комнате, Картер наблюдал за тем, как Сан-Франциско – потрясающей красоты город – встречает утро. Ему был виден угол Юнион-стрит, на которой располагались самые модные магазины, галереи и рестораны. Солнца не было. Лишь сероватый утренний свет наступал на ночную тьму, открывая взору Мэдисона все новые и новые подробности городского пейзажа. Однако пасмурная погода совсем не соответствовала его настроению.

Ему казалось, что в жизни у него еще не было так солнечно на душе, как в этот день.

Однако переполнявшее его счастье заставляло Картера испытывать вину, чувствовать себя еще большим негодяем, чем самые отпетые сказочные злодеи.

Молодой человек все еще не оделся. Обернувшись через голое плечо на свою кровать, он обратил внимание на то, что она хранит отпечаток его тела. Спал он отлично, как убитый – так обычно спят люди с чистой совестью, которых не мучит чувство вины. Правда, не сказать чтобы он быстро заснул. Нет. Но как только ее образ стал меркнуть в его сознании и он понял, что не может ничего с этим поделать, Мэдисон зажмурил глаза и тут же уснул. А пробудившись, почувствовал, что его лицо растягивается в широкой, довольной улыбке, и ему тут же стало стыдно. Дело в том, что героиней его сновидений была вовсе не Алисия.

Работа. Вот что ему необходимо! Тяжелая, изнурительная, захватывающая все его существо, все его мысли! С сожалением бросив в окно последний взгляд, писатель подошел к небольшому квадратному столику посреди комнаты и поставил на него пишущую машинку. И когда он снял с нее чехол, вложил в каретку девственно чистый лист, достал из папки четыреста с лишним страниц своего незавершенного творения, уложил их справа от машинки и нацепил на нос очки – только тогда Картер Мэдисон занял свое место у рабочего стола. И уставился в пространство перед собой.

Господи! Был ли он хоть раз за свои тридцать четыре года так поражен видом женщины, как прошлой ночью? Нет! Картер был в этом уверен. Иначе он бы вспомнил.

Она была чертовски мила, когда стояла в дверях босая и со спутанными волосами. Вот только халат был ужасен – бледно-голубой, шерстяной, под стать какой-нибудь старой деве. А из-под халата высовывался подол бледно-желтой нейлоновой ночной сорочки. Мэдисону в жизни бы не пришло в голову, что такой костюмчик вообще может вызвать у него какие-нибудь чувства, кроме отвращения, но именно в этот, самый первый миг их встречи он ощутил, как в нем медленно поднимается волна желания.

Проследовав за ней в кухню, Картер уже и вовсе перестал думать о хозяйке просто как о «милой» девушке. Когда Слоун наклонилась к комоду, чтобы достать из ящика льняную салфетку, молодой человек сразу же живо представил себе обнаженное – стройное и податливое – тело под этим уродливым голубым монстром.

Мэдисону не сразу удалось проглотить кусок сэндвича. От волнения у него и так перехлоло в горле, а уж когда он заметил острые, выступающие бугорки на полукружьях груди, он вообще едва не подавился. Впрочем, он не питал никаких иллюзий и не рассчитывал, что ее соски напряглись из-за его невероятного мужского обаяния. Просто в кухне было очень холодно. Вот и все. Но какова бы ни была причина, он не мог оторвать глаз от ее груди и лишь огромным усилием воли сдержал себя и не пустил в ход руки.

Однако еще больше его поразили глаза Слоун. Они были прекрасны – нежного серого-голубого цвета. Мэдисон был уверен: она и не знала, что ее глаза способны многое рассказать о ней. В них пряталась грусть. Боль. Отчаяние. Усталость. Она была похожа на маленького зверька, которого прежде так часто били, что он боится вновь получить тумака.

Именно это остановило его. Не будь ее взгляд таким затравленным, он обязательно поцеловал бы Слоун, когда они стояли у лестницы. Да, поцеловал бы! Лишь выражение ее лица остановило его. Он вдруг подумал, что она может его выгнать.

К этому моменту он абсолютно забыл об Алисии. Горячее, пульсирующее желание наполнило Мэдисона, и ему казалось, он просто с ума сойдет, если немедленно не дотронется до Слоун. В висках у него стучало, все здравомыслие куда-то улетучилось. И не только здравомыслие. Но и чувство долга, ответственности, моральные принципы... Ну и черт со всем этим! Разум Мэдисона уже замолчал, всей его сущностью управляло одно тело. Ах, если бы не этот ее испуганный взгляд!

Вскочив из-за стола, он принялся метаться по комнате, как тигр в клетке, поминутно вытирая вспотевшие ладони о штанины, потому что от одной мысли о Слоун его вновь бросило в жар.

– Ах ты, сволочь! – прорычал он, обращаясь к самому себе. Ведь, судя по всему, Слоун Фэйрчайлд была порядочной женщиной, которая пришла бы в ужас, узнай она, что за мысли лезут ему в голову. – Подумай только, ты же обручен с ее лучшей подружкой! – напомнил он собственной персоне с отвращением. – Ты приговорен, старина!

Картеру подумалось, что он заговорил бы совсем по-другому, если бы был приговорен к тому, чтобы провести месяц со Слоун.

Но рукопись звала его, манила к столу.

– Понял, – громко проговорил он, будто устыдившись себя самого. – Я для этого сюда и приехал. Работа – вот что у меня на первом месте!

Сцепив пальцы в замок, Мэдисон вытянул руки вперед, а затем уселся за стол. Он молча смотрел на чистый лист бумаги, положив пальцы на клавиши машинки. И вдруг ему в голову пришла неожиданная мысль. А как поступил бы его герой, если бы приехал ночью в дом к красивой женщине, которая вышла его встретить, не успев даже толком одеться?

– Глупый вопрос, – насмешливо пробурчал себе под нос Картер. – Это же литература. Как захочешь, так твой герой и поступит.

Тем не менее он дал волю своей фантазии. Если бы он был Грегори – главным персонажем, а не Картером Мэдисоном, весьма порядочным и сдержанным молодым мужчиной, то, конечно, направился бы за мисс Фэйрчайлд в кухню. А увидев, что ее соски напряглись, Грегори наклонился бы к ней через стол, взял бы ее грудь в руку и ласкал до тех пор, пока она не отвердела бы, а сосок не стал круглым и твердым, как жемчужина.

«Картер, это безумие», – твердил его разум.

«Не важно, – возражало его желание. – Это не больше чем фантазия. К тому же тебя ведь не повесят за фривольные мысли».

Грегори – да тот смахнул бы все со стола, поднял ее и...

Нет, нет, нет! Так дело не пойдет! Это неэстетично!

На полу? Но там слишком холодно. И тоже некрасиво!

– Погоди-ка, кажется, я придумал! – тихо сам себе сказал Картер.

...Грегори медленно поднял бы ее со стула, поставил на ноги. А она бы стеснялась, зажималась и слабо сопротивлялась. Но как только его губы коснулись бы ее губ, Слоун всем телом прижалась бы к нему... Вот Грегори обнимает ее, страстно целует, проникая языком в теплую сладость ее рта, а затем, не выпуская из своих объятий, подводит и сажает ее на тумбочку. Сначала она пытается остановить его, но он развязывает пояс халата, и Слоун больше не вырывается. Грегори не спеша разводит в стороны полы ее халата и видит... желтую ночную сорочку... возможно, такую же уродливую, как и это голубое чудовище...

– Черт! – выругался Картер вслух. Он потер глаза, стараясь думать о Грегори и его проблемах, но собственные проблемы рвались наружу из тесных джинсов, и он ничего не мог с этим поделать.

«Не глупи, это всего лишь твоя фантазия. Представь себе, что на ней и вовсе не было ночной сорочки. Представь, что она...»

...Грегори не спеша разводит в стороны полы ее халата и видит обнаженную грудь, нежные коралловые соски, которые еще больше напрягаются от малейшего прикосновения. Он трогает их и снова целует ее. Мнет их. Дразнит. А потом опускает голову и начинает ласкать один сосок губами. Слоун уже обезумела от его ласк, она тихо постанывает, сжав его тело ногами. И когда он отпускает сосок, последний раз проведя по нему языком и оставив на ее пылающей коже влажный след, она протягивает руку и...

– Мистер Мэдисон!

– Что?! – заорал он в ответ, вскакивая со стула и опрокидывая его, отчего все его бумаги разлетелись в разные стороны. Картер схватился за очки и чуть не сломал оправу.

В дверях стояла Слоун, держа в одной руке серебряный поднос с завтраком, накрытый салфеткой, а другой рукой вцепившись в дверную ручку.

Девушка нервно облизнула губы – Мэдисону уже был знаком этот жест. Он заморгал и затряс головой, стараясь отогнать от себя наваждение и делая вид, что его возбужденная плоть в тесных джинсах вовсе не пылает от вожделения. Еще он делал вид, что в его буйных фантазиях вовсе не Слоун Фэйрчайлд занимает сейчас главное место. Ему не удалось ни то, ни другое.

– Я... я постучала, – нерешительно произнесла она.

– Извини меня, Слоун. Я был... Дело в том, что... я задумался. Да. Глубоко задумался. Позволь мне взять это. – Картер большими шагами направился к двери и с сожалением увидел, что она боязливо отступила назад. Он попытался сгладить неловкость: – Кажется, я своими криками до полусмерти напугал тебя. Еще раз прошу прощения.

– Когда вы не ответили на мой стук, я начала волноваться и...

Мэдисон взял поднос в руки, но не сдвинулся с места. Так они и стояли в дверях, окаменев словно статуи и не сводя друг с друга глаз. Он заметил, что у нее такой же усталый взгляд, что и прошлой ночью, и все его лучезарное настроение как рукой сняло.

Фантазировать можно было о чем угодно, но реальность не изменить. Он, Картер Мэдисон, помолвлен с другой женщиной, у которой двое детей, и все они очень в нем нуждаются. Алисия никогда не была героиней его эротических фантазий, но их любовь и допустить этого не могла. Может, так было спокойнее? Впрочем, то чувство ни на йоту не было похоже на страстную любовь, которая загорелась в нем в считанные секунды.

Любовь? Что за ерунда, о чем он вообще думает?! Он же перечитал столько книг, столько написал сам! Любовь не приходит так быстро. Иногда на это уходят годы. Но, заметив смущение в затуманенном взоре Слоун, Картер понял, что и она попала на удочку. И теперь одному господу известно, что им делать дальше.

– Съешьте это, пока не остыло. – Слоун кивнула на поднос.

Он и вправду не ответил на ее стук, но почему же она не ушла, чтобы прийти позже? Может, к тому времени он и рубашку успел бы надеть. А то сейчас на нем были только джинсы. При виде его обнаженной груди она почему-то не почувствовала неловкости. Напротив, влечение к нему стало еще сильнее, чем прошлой ночью.

Картер отвернулся, и Слоун с облегчением вздохнула, радуясь, что не видит больше этих курчавых, жестких волос на его широкой груди.

– Присоединишься ко мне? – предложил Мэдисон.

– Нет, – слишком громко и чересчур поспешно ответила она.

Слава богу, он надевал рубашку. У него была прямая спина с перекатывающимися под загорелой кожей мускулами. Слоун так же сильно хотелось дотронуться до нее, как и до его груди. Заметив его удивленный взгляд, девушка поспешила объяснить свой отказ:

– Нет-нет, благодарю вас. Остальные постояльцы сейчас в столовой. Вдруг им что-нибудь понадобится?

– А я, стало быть, не заслуживаю твоего внимания? – настаивал Мэдисон.

Его изогнутая бровь, которая, похоже, вообще никогда не оставалась спокойной, и сейчас как-то странно дергалась. Картер дразнил ее, провоцировал, и ее нервы не выдержали.

– Несомненно, заслуживаете, – слегка раздраженным тоном ответила Слоун. – Но поймите меня правильно: я не в состоянии быть одновременно в двух местах. Их там шестеро, а вы здесь один. И вы захотели, чтобы я подала вам завтрак в номер. Полагаю, остальные гости не одобряют, если их хозяйка будет слишком много времени проводить в комнате одинокого постояльца-мужчины. За подносом я зайду позже.

Девушка была абсолютно уверена, что ей удалось сдержаться и не хлопнуть дверью, но, судя по тому, как задрожали оконные стекла, ее уверенность была напрасной.

«Это все Алисия виновата», – подумала она, поправляя прическу типичным для расстроенной женщины жестом. Спускаясь по лестнице, Слоун клялась себе, что придушит свою лучшую подругу, как только увидит ее.

Что это случилось с Алисией? Она что, спятила? Отправить такого мужчину, как Картер, к женщине было чистой воды безумием! Разве она не понимала, что этот подцепит на крючок любую? И не важно, что Слоун была ее лучшей подругой – скучной, зависимой и достойной доверия. Слоун не была мертвой, потому что лишь неживая женщина не обратила бы внимания на такого мужчину, как Картер Мэдисон.

Перед арочной дверью, ведущей в столовую, девушка остановилась на мгновение, чтобы перевести дух и радушно улыбнуться.

– Всем принести еще апельсиновых булочек? – спросила она.

– Да! – хором крикнули ее постояльцы.

Вернувшись из кухни с корзинкой апельсиновых булочек, Слоун предложила одной чете, которая собиралась уезжать, завернуть несколько штук с собой:

– Вы сможете пожевать их в машине.

– Как это мило, мисс Фэйрчайлд! Спасибо!

Эта пара была из штата Мэн, и они проехали всю страну, чтобы попасть на Западное побережье. А теперь направлялись назад, к себе домой.

– Нам с Эрнстом так у вас понравилось, – проворковала женщина.

Слоун улыбнулась:

– Тогда у меня есть надежда, что вы порекомендуете «Фэйрчайлд-Хаус» кому-нибудь из ваших друзей, тем, кто тоже задумает отправиться в далекое путешествие к нам на Запад.

– Можете в этом не сомневаться, – с полным ртом заверил ее Эрнст.

Две пожилые дамы, бывшие школьные учительницы, оставались до конца недели. Банкир с женой собирались уехать послезавтра. Слоун уже подсчитала в уме, сколько денег она с них получит, и теперь прикидывала, хватит ли ей этого, чтобы оплатить счета. Налив всем еще кофе, девушка ушла в кухню и там присела со своей чашкой ароматного напитка.

За те девять месяцев, что существовал ее «Фэйрчайлд-Хаус», Слоун удавалось удерживаться на плаву лишь благодаря рекомендациям ее бывших постояльцев. В Сан-Франциско было несколько подобных заведений, но ее – самое новое. К следующей весне она надеялась разместить рекламу в альманахах о путешествиях и в воскресных выпусках газет самых крупных городов. Сейчас же она едва сводила концы с концами, но тем не менее не тонула.

С тех пор как она оставила опостылевшую работу и переехала в Сан-Франциско, главной целью Слоун стало – выжить. Ее помолвка с Джейсоном Хаббардом была расторгнута. Родители Слоун погрустили немного вместе с дочерью, а затем вернулись к своим пыльным книгам и картам, поспешив снова окунуться в мир египетских фараонов. Девушка любила родителей и знала: если их спросить, они скажут, что тоже любят ее. Но рядом с ними она

почему-то всегда чувствовала себя не в своей тарелке. Они с готовностью звали ее смотреть на руины, оставленные давно ушедшими поколениями, но начинали раздражаться, когда Слоун признавалась, что ее интересуют совершенно иные материи, и пыталась поговорить с родителями о чем-то другом. Проявления их искренней любви длились лишь короткие мгновения – когда они встречались с дочерью, внезапно вспоминая о ее существовании.

По сути, ни мать, ни отца не интересовало, что она будет делать в будущем. Это, впрочем, не интересовало никого. И Джейсону – красивому, беззаботному Джейсону, похитившему ее сердце и невинность и сказавшему однажды, что она слишком скучна для него, – тоже было на это наплевать. Одна лишь Слоун знала, что если ничего не предпримет, то всю жизнь так и будет прозябать на нудной работе.

Все было непросто, но с деньгами, оставленными ей бабушкой, с дипломом Лос-Анджелесского университета, с любовью к кулинарии, с желанием и молитвами ей удалось сотворить свой «Фэйрчайлд-Хаус». Слоун всерьез занялась антиквариатом, штудирова по ночам специальную литературу. И если она не была занята наклеиванием обоев или окраской стен, то проводила дни напролет на распродажах и аукционах, где за небольшие деньги можно было приобрести что-нибудь стоящее. Таким образом, медленно, но методично девушка обставляла комнаты своего маленького пансионата старинной мебелью.

Втайне она очень гордилась достигнутым, хотя никто и не замечал ее стараний. У других женщин были мужья и дети, занимавшие их жизнь. Эти женщины могли позволить себе быть романтическими, непрактичными, а иногда даже безответственными, потому что знали: мужья о них непременно позаботятся.

Слоун – другое дело. Ей приходилось быть бережливой, постоянно думать о завтрашнем дне, и она зависела от других людей. С самого детства, с того момента, когда она поняла, что ее папа с мамой вовсе не собираются слишком обременять себя родительскими заботами, девочка вынуждена была заботиться о себе сама. И что было проку мечтать о том, что хоть кто-то полюбит ее до того, как она станет высохшей старухой! Как судьбою предначертано, так и будет. И к чему тратить энергию на горькие размышления о том, почему ее никто не любит?

Но в это утро Слоун чувствовала себя хуже, чем обычно. Может, все дело в погоде? Или в желании, охватившем ее? Может, ее терзали мысли о мужчине, который сейчас находился в комнате наверху? Нет, об этом и думать не следует. Он принадлежит ее лучшей подруге, но даже если бы все обстояло иначе, такой красавец в жизни не позарился бы на серую мышку вроде нее.

Тем не менее прошло немало времени, прежде чем Слоун решилась подняться наверх за своим подносом.

Она тихо постучала, надеясь, что Картер или вообще не ответит, или крикнет, чтобы она не мешала ему работать и поскорее уходила. Но вместо этого из-за двери раздалось вежливое «Войдите!».

– Простите, что я вас беспокою и отрываю от работы, – пролепетала Слоун, неловко переминаясь в дверях с ноги на ногу. – Я знаю, что вы не любите этого.

Картер не работал. Он стоял у окна, засунув руки в задние карманы джинсов. Они были до того узкими, что девушка не могла понять, как ему это удается.

Мэдисон уже оделся. И застегнул рубашку. Точнее, почти половина пуговиц была застегнута. На нем были те же кроссовки, что и вчера. Судя по всему, он принял душ: в комнате стоял аромат мужского мыла и хорошего одеколona. Не забыл он и гладко побриться. Влажные волосы были причесаны.

– Я не работаю, – заявил он, бросив пренебрежительный взгляд на разбросанные бумаги. Стол был усеян скомканными листками, рядом с машинкой валялись очки. Стул был

отодвинут от стола и повернут сиденьем в другую сторону. – Что, на сей раз ты вооружена и опасна? – насмешливо спросил он, приподнимая брови.

Слоун залилась краской.

– Извините, я была груба, мистер Мэдисон. Я не...

– Слоун, да брось ты эти церемонии. Что еще за «мистер Мэдисон»?! Я – Картер, идет? – возбужденно проговорил он.

Затем вынул руки из карманов и с хлопком ударил кулаком одной руки в ладонь другой.

Слоун почувствовала, что начинает раздражаться.

– Ну хорошо. *Картер*, позволь мне взять поднос, и я уйду, а ты тут работай.

Девушка решительно подошла к столу, накрыла опустошенную тарелку льняной салфеткой и уже подняла было поднос, как была остановлена рукой Мэдисона, схватившего ее за запястье.

– Прошу прощения, – раздался у самого ее уха его низкий, волнующий голос. По спине Слоун пробежали мурашки, ее внезапно бросило в жар. – Я не заслуживаю другого обращения. Завтрак был отменен.

Картер уже отпустил ее, но Слоун теперь была не в состоянии сдвинуться с места.

– Спасибо, – прошептала она.

– И комната чудесная.

– Спасибо, – едва слышным голосом повторила девушка.

– Я спал лучше, чем все последнее время.

– Я рада.

«Слоун, – говорила она себе, – эти односложные ответы ужасны. Продолжай в том же духе, и он скоро оставит тебя в покое». Ей казалось, что ее язык и мозг больше не связаны. Она не могла сказать ничего толкового, ведь он стоял так близко.

– Прости, пожалуйста, у меня просто дурацкое настроение. Конечно, я хочу, чтобы ты перестала называть меня «мистер Мэдисон». Может, я сказал это не слишком вежливо? Видишь ли, я становлюсь настоящим грубияном, когда работа не идет. Мне просто слов не хватает.

Девушка повернулась к нему лицом и взглянула в глаза цвета хереса.

– Но почему? – поинтересовалась она. – Неужели это так трудно?

Мэдисон отступил назад, чтобы окончательно не потерять голову. Только так он мог сдержаться и не трогать ее.

– Да нет. Просто у меня заминка вышла. А почему ты так заколола волосы?

Опешив от неожиданного вопроса, Слоун даже не сразу поняла, о чем он ее спрашивает. Но, осознав смысл его слов, непроизвольно поправила прическу.

– А что? – с чисто женской тревогой спросила она. – Что-нибудь не в порядке? Шпильки вылезли? Или я какую-нибудь прядь не заколола?

– Нет-нет, – заверил ее Картер. – Наоборот, все в порядке. Дело в том... просто мне больше понравилась твоя вчерашняя прическа. Знаешь, такой живописный беспорядок... это так... сексуально.

В горле у Слоун пересохло, и она с трудом отвела от него взгляд: казалось, Картер, как магнит, притягивает ее.

– Нет, прическа у хозяйки такого, как мое, заведения не должна быть ни в живописном беспорядке, ни сексуальной.

– Бьюсь об заклад, ты не интересовалась мнением постояльцев-мужчин по этому поводу. – Его глаза опять загорелись озорным огоньком.

Девушка не могла решить, когда они опаснее: когда бывают затуманены, как это было мгновение назад, или когда светятся лукавством? Впрочем, все равно любой его взгляд выводил ее из состояния равновесия.

Она приосанилась, повернулась спиной к столу и торопливо произнесла:

– Мне надо идти вниз, у меня полно работы...

– Подожди! – так громко выкрикнул Мэдисон, что Слоун едва не споткнулась. – Ты можешь задержаться на пару минут, чтобы помочь мне?

– Как помочь? Чем?

– С книгой.

– Но я ничего не смыслю в писательском труде.

– Это и не нужно. Мне необходимо дотронуться до женского тела.

Наверное, ей стоило оскорбиться, схватить поднос и вылететь из комнаты, хлопнув дверью. Вместо этого Слоун рассмеялась:

– Уверена, ты совсем не это хотел сказать.

Мэдисон смутился и тоже заулыбался:

– Ну может, и надо было выразить свою мысль как-то по-другому. Дело в том, что Грегори необходимо выудить у героини кое-какую информацию, понимаешь?

– А кто такой Грегори?

– Герой. И...

– А как зовут героиню? – перебила она Картера новым вопросом.

– Лиза. Вот Грегори устраивает нечто вроде потасовки, а Лиза сопротивляется. Но ему нравится эта девушка, и он боится сделать ей больно. Вот мне и нужно испробовать на женщине, как далеко может зайти мужчина и насколько быть грубым, чтобы не причинить ей боли. Ясно?

– Но многое может зависеть и от женщины. Может, она спортом занимается, мышцы качает! Или увлекается женским армрестлингом! Думаю, в таком случае ее не так-то легко заставить говорить!

– Да нет, о чем ты! Лиза мягкая и женственная. Хрупкая. Как ты.

Слоун нервно сжала рукой шею.

– А что... – Она откашлялась. – Что ты хочешь, чтобы я сделала?

Взяв девушку за руку, Картер отвел ее в сторону от стола.

– Давай отойдем на свободное пространство. А то не дай бог перебьем твой антикварный фарфор. – Повернувшись к ней, Мэдисон отпустил ее и потряс руками так, как это делают боксеры перед матчем. – О'кей. Итак, я только что назвал тебя шлюхой, точнее, я произнес еще более грубое слово и сказал, что ты с радостью торгуешь своим телом, когда тебе предлагают хорошие деньги.

– И ты еще говорил, что я тебе нравлюсь?! – Слоун покачала головой, не веря своим ушам – так потрясли ее собственные слова. – То есть ты говорил, что Лиза нравится Грегори.

– Да, так и есть. Но Грегори зол как черт. Лиза может кое-что рассказать ему о шайке негодяев, но молчит, потому что боится нанести вред своему дяде, который ее вырастил. А негодяи угрожают ее дяде. – Картер глубоко вздохнул. – Итак, я назвал тебя шлюхой, даже не шлюхой, а... – Он махнул рукой. – Но мы много раз занимались любовью, и потому оскорбление кажется еще более обидным.

Слоун никак не могла привыкнуть к тому, что он говорит от первого лица. Ей было бы проще, если бы они называли героев по именам – Лиза и Грегори. И все же она утвердительно кивнула:

– Ну хорошо, ударь меня!

Она опустила глаза, стараясь не смотреть на Картера, а затем сама замахнулась на него. Но не успела и глазом моргнуть, как оказалась прижатой спиной к его груди. Та рука, которую она подняла, была теперь прижата к ее плечу, а другую ее руку он вывернул и зажал между их телами. Ее голова откинулась назад и прижалась к его шее. Прическа Слоун растрепалась.

– Картер, – возмущенно выдохнула она, стараясь вырваться. – Пусти меня. – Она судорожно вдохнула воздух. – Это нечестно. Ты не сказал, что зайдешь так далеко.

– Извини. Именно так и должна себя чувствовать Лиза. Я должен был увидеть, как тыотреагируешь, как будешь себя чувствовать. Тебе больно?

Слоун задумалась.

– Нет, – честно ответила она. Ей не было больно, но она не могла вырваться. Ей стало жаль эту Лизу. Если бы Грегори был таким же, как тот, кто его придумал, его близость смущала бы героиню.

– Что ты чувствуешь? – допытывался писатель.

Она чувствовала, что упадет в обморок, если он немедленно не перестанет прижимать ее к своему возбужденному естеству.

– Я испугана. – Она сказала истинную правду. Ощущения, вызванные его близостью, сводили Слоун с ума.

– Несмотря на то, что ты знаешь о моей любви и тебе известно, что я не хочу причинить тебе боль?

– Да, – выдохнула она, закрывая глаза. – Разве насилие и страсть временами не идут рука об руку?

Господи, за что такое наказание? Его ноги за ее спиной были длинными и твердыми, как стволы деревьев. Дыхание Картера ласкало ухо, она просто млела от его прикосновений. Слоун оказалась в положении голодающего, которого привели на пиршество гурманов, но привязали поодаль и не дают ни куска съестного. Узы разума и верности лучшей подруге очень крепко держали ее, но от этого есть меньше не хотелось.

– И что бы ты стала делать на месте Лизы?

Будь она и в самом деле на месте его героини, думала Слоун, она бы тут же выложила ему все, что он хотел знать, а потом постаралась бы сделать так, чтобы он занялся с ней любовью. Но не это хотел услышать Мэдисон, поэтому девушка оставила в стороне все свои фантазии и постаралась сконцентрироваться на своих физических ощущениях.

– Не знаю. Наверное, стала бы бороться, чтобы защитить свою честь.

– Хорошо. Тогда вырывайся.

Поначалу Слоун сдерживалась, а потом начала сопротивляться по-настоящему. Но она не могла оттолкнуть Картера и добилась лишь того, что их тела все сильнее соприкасались. Ее блузка вылезла из-за пояса, волосы рассыпались по плечам, юбка спиралью обвивала ноги. А рукой, зажатой между их телами, девушка нащупала пуговицы вместо «молнии» в его джинсах.

– Это бесполезно, – призналась она. – Мне не вырваться.

– Так ты скажешь мне все?!

Ее голова упала вниз – она кивнула. Картер ослабил хватку и постепенно выпустил ее. Но едва освободившись, Слоун быстрее молнии развернулась и ударила его каблуком по подъему ноги.

Он взвыл от боли и удивления, но настиг ее прежде, чем девушка успела убежать. Схватив Слоун за плечи, Картер швырнул ее на кровать и упал на нее сверху. Она яростно сопротивлялась, теперь по-настоящему, потому что Мэдисон оказался в более выгодной позиции.

Картер, разумеется, был сильнее, и в конце концов ему удалось ухватить девушку за руки и заломить ей их за голову.

Тяжело дыша, он положил голову на кровать, давая себе короткую передышку, но ни на мгновение не ослабил хватки.

– Ну вот, все просто отлично, – заявил он, устало улыбаясь. – Теперь уж ты точно никак не сможешь вырваться.

Ах, как Слоун было приятно ощущать себя прижатой к матрасу всем его весом! Каждый раз, когда она прерывисто вздыхала, ее грудь упиралась в его широкую грудь. Позволив себе немного расслабиться, она слегка раздвинула ноги, и Картер тут же опустился в образовавшееся пространство, изо всех сил прижимаясь к ее лону. Мурашки удовольствия побежали по их разгоряченным телам.

– Ладно, я побеждена, – едва дыша, промолвила Слоун. – Я скажу тебе то, что ты хочешь узнать.

Его взор пылал страстью.

– Да, – ответил он хриплым голосом. – Возможно.

– А что потом? – спросила она неуверенно.

Его взгляд скользнул по ее шее и вниз, на грудь, видневшуюся в расстегнутом вороте блузки. Зажмурив глаза, Картер едва сдерживался, чтобы не впиться губами в ее нежную кожу. Ему хотелось провести языком вдоль кружевной отделки бюстгальтера и, сорвав его, поймать ртом круглые соски. Открыв глаза и увидев затуманенный взгляд Слоун, Мэдисон понял, что и она думает о том же.

– Они занимаются любовью, – прошептал он.

Они долго смотрели в глаза друг другу, не произнося ни слова. И вдруг Слоун горестно всхлипнула – то ли от боли, то ли от чувства вины – она и сама не знала. Картер приподнялся, и девушка выскользнула из-под него. Встав с кровати и повернувшись к нему спиной, она поправила одежду и, вынув из волос ненужные теперь шпильки, сунула их в карман – как будто пыталась спрятать доказательство своей вины. Самое лучшее, что она смогла сделать со своими волосами, – это просто поправить их дрожащими руками.

Позади закрипел стул – это Мэдисон садился за рабочий стол. Через мгновение он уже вставил чистый лист в машинку и ритмично застучал по клавишам.

«Как будто ничего не произошло», – подумала Слоун. Вернувшись к кровати, она принялась поправлять смятую постель, с удовольствием дотрагиваясь до подушки, все еще хранившей отпечаток его головы. Потом тихонько подошла к столу и взяла поднос.

– Спасибо за помощь, – спокойно произнес Картер, уже успевший нацепить на нос очки.

– Не за что. Я действительно помогла тебе?

– Вроде бы. Хотя, с другой стороны, может... может, и не стоило этого делать.

– Но почему?

– Ладно, пустое... Не обращай внимания. – Он покачал головой.

– Мне надо ненадолго уйти. Ленч не входит в оплату номера, но я могу...

– А куда ты идешь?

– На причал – купить краба к обеду.

Картер пулей выскочил из-за стола.

– Я пойду с тобой! – радостно сообщил он.

3

– Нет, ты не можешь пойти со мной! – с такой горячностью воскликнула Слоун, что они оба оторопели.

– Почему? – изумленно спросил он. Девушка принялась судорожно искать ответ.

– Ну... я... Тебе же надо работать, – пришла ей в голову спасительная мысль. – Ты именно для этого сюда приехал – чтобы спокойно поработать. Здесь тебе никто не должен мешать.

– Но даже авторы бестселлеров... – тут Картер отвесил хозяйке церемонный поклон, – имеют право на выходной. – Он тепло улыбнулся Слоун, и ей показалось, сердце тает от этой улыбки. – Я, знаешь ли, еще не привык к этому дому, не чувствую его, – заявил писатель, оглядываясь вокруг. – Тут все так странно. Нет-нет, ты не думай, все очень мило, – поспешил он заверить ее, заметив, что Слоун собирается возразить. – Правда. Но это же не мой дом, и я должен настроиться в лад с этим местом.

Все это был сущий бред, и она понимала это, а Картер знал, что она понимает. Тем не менее он продолжал:

– Да и ноги надо размять. Я ведь чуть ли не всю ночь просидел в самолете, а потом – в такси. Мне даже казалось, что я целые сутки не трогаюсь с места. И потом, я должен вдохнуть свежего морского ветра, посмотреть, как он несет опавшие листья над булыжной мостовой. К тому же я всегда просто обожал ходить на пристани. Эта прогулка вдохновит меня.

Слоун подумала, что уж чего-чего, а вдохновения ему не занимать, но не произнесла ни слова, потому что не хотела вслух признаваться в том, что осознает, как Мэдисон хочет ее. Боялась, что выдаст себя и он поймет: она испытывает те же чувства.

– Знаешь, Картер, если уж тебе так хочется прогуляться, то отправляйся на улицу один. У меня есть кое-какие дела и...

– ...и лишняя пара рук никогда не помешает, – договорил за нее Мэдисон. – Погоди, я только возьму куртку.

Обычная уверенность покинула Слоун, и она не смогла быстро придумать еще что-нибудь, чтобы отказать своему настойчивому постояльцу. Не стоило им играть с огнем – ведь они распялись все больше. Однако было уже слишком поздно думать о благоразумии.

Картер сорвал с вешалки свою куртку и распахнул дверь.

– Запереть комнату? – спросил он у хозяйки.

– Да. Вообще-то я запрю входную дверь, я предупредила своих гостей, что меня не будет несколько часов, поэтому они вернуться не скоро. Но лучше запри – лишняя предосторожность никогда не помешает.

– Тебе надо нанять помощницу, чтобы не сидеть здесь взаперти целыми днями, – заметил Картер, когда они спускались вниз по лестнице.

– Это было бы замечательно, но я не могу позволить себе нанимать кого-то: у меня нет денег на оплату. – Внизу девушка остановилась и сказала: – Я быстро, подожди немного.

Забрав в свою комнату, Слоун моментально подправила макияж и принялась закалывать волосы, но некоторые пряди упорно не хотели повиноваться.

– Ну и черт с вами, – пробормотала девушка, тряхнув головой. – Оставайтесь распущенными. Все равно ветер в гавани будет таким сильным, что любая прическа растреплется. – В общем, она нашла повод для того, чтобы не затягивать волосы в пучок. Юбка и блузка были слегка помяты, но она решила, что сойдет и так. Затем Слоун быстро надела серо-голубой жакет, взяла кошелек и проверила, не забыла ли список покупок.

Картер подждал ее, прислонившись спиной к перилам, скрестив ноги и сложив на груди руки.

– Ты готов? – спросила девушка, и от ее внимания не ускользнул одобрителный взгляд, которым он окинул ее прическу.

Выйдя на улицу и выпустив молодого человека, хозяйка заперла дверь. В крохотном гараже, приютившемся у стены дома, стояла миниатюрная, чуть ли не игрушечная машина.

– Забирайся внутрь, – пригласила Слоун.

– Да ты шутишь, – мрачно промолвил Мэдисон, – правильнее было бы сказать: «Протискавайся».

Слоун не смогла удержаться от смеха, наблюдая, как, сев на сиденье, Картер с трудом втянул в машину одну ногу, а потом – вторую.

Она уже привыкла к опасным дорогам Сан-Франциско и к местным водителям, относящимся к светофорам и дорожным знакам как к уличным украшениям, на которые не стоит обращать внимания. Втиснув машину на стоянку у Рыбацкого причала, она повернулась к своему спутнику и заметила, что тот побледнел и нервно покусывает губы.

– Что, мы уже на месте? Есть надежда остаться в живых?

Слоун рассмеялась:

– Пойдем. Уж раз ты навязался на мою голову, то можешь мне и помочь.

Мэдисон помог ей выбрать самое свежее и белое мясо краба, причем рыбак клялся, что выловил этого краба только что. Ей надо было зайти в магазины, но Картер то и дело отвлекал ее:

– Слоун, только взгляни сюда!

Она послушно смотрела, а потом направлялась дальше, но не успевала сделать и пары шагов, как молодой человек вновь окликал ее, приглашая зайти в какую-нибудь галерею или в бар.

Когда она пыталась объяснить своему гостю, что вышла из дома по делам и у нее немного времени, он не принимал ее слов всерьез.

Они ели за маленьким круглым столом в небольшом ресторанчике. Сердито ворча на Картера, Слоун откусила огромный кусок шоколадки, казня себя за то, что даром тратит время.

– Как часто ты выходишь из дома? – оборвал ее Мэдисон. – Я имею в виду, для того чтобы развлечься, а не просто чтобы сделать покупки? – Он самозабвенно облизывал огромное мороженое.

– Не очень часто, – уклончиво ответила Слоун.

– Нет, ты скажи, как часто? – настаивал писатель.

Девушка свернула обертку от шоколадки в трубочку и подула в нее.

– Я – единственная хозяйка и владелица «Фэйрчайлд-Хауса». Я содержу весь дом, делаю уборку, веду счета, готовлю еду и мою посуду. Поэтому у меня не слишком-то много времени остается на развлечения и отдых.

– Ты что, хочешь сказать, что у тебя вообще не бывает выходных? И свободных вечеров? Ты не ходишь в кино? Вообще никуда не ходишь?

– Ты меня огорчаешь, – заявила она, пытаясь увести его от этой темы. Жизнь Слоун и правда была безрадостной, и у нее не было ни малейшего желания рассказывать о ней.

– Дорогая, но это же нелепо! – Отложив ложку в сторону, он с интересом взглянул Слоун в глаза.

– Почему нелепо? Я просто ничего не могу поделать с таким положением вещей!

– Найми помощников, – посоветовал Мэдисон.

– Я не могу себе этого позволить, – резко ответила Слоун. – И кстати, я уже говорила тебе об этом.

– Чего ты не должна позволять себе, так это сидеть сиднем дома, – огрызнулся он в ответ, но, заметив, как изменилось ее лицо, извинился: – Прости, пожалуйста. Это, конечно, не мое дело. Просто не могу понять, почему красивая женщина сидит безвылазно в четырех стенах, скрывая себя от человечества. – Бросив ложку на стол и не глядя на Слоун, Картер спросил делано безразличным тоном: – Неужели ты никуда не ходишь с мужчинами?

– Очень редко. – Она солгала. И тут же пожалела об этом. Ей следовало бы сказать: «Никогда».

Мэдисон вновь заинтересованно поглядел на нее, и женское чутье подсказало Слоун, что он думает о том, что произошло между ними сегодня.

– А у тебя когда-нибудь был мужчина?

– Да, – тихо ответила она. К чему вызывать его подозрения? Похоже, Картер просто умирает от желания побольше узнать о ее жизни. – Мы вместе работали в Лос-Анджелесе. Он был младшим клерком в отделе торговли. Надо признаться, к торговле у него было призвание, он был типичным продавцом на вид: безупречная одежда, хорошие манеры, дар болтать языком и ряд сверкающих белых зубов. – Слоун отпила глоток воды со льдом. – Я только что окончила Лос-Анджелесский университет, переехала в новую квартиру и чувствовала себя независимой и полной сил и желания посвятить себя карьере. Думаю, он просто решил, что такая строгая на вид женщина, как я, – это просто вызов судьбы, и, не задумываясь, принял этот вызов. С ним я много смеялась, отдыхала... Мы весело проводили время... Иногда я подсказывала ему, какой товар понравится покупателям, – это было в тех случаях, когда он не знал, какую марку предпочесть. И, не скрою, мои советы были весьма полезными.

– Не сомневаюсь, – произнес Картер задумчиво.

– Через некоторое время он... – Слоун помолчала, а затем, облизнув губы, продолжила: – Словом, через некоторое время оказалось, что в моей квартире куда больше его вещей, чем в его собственной. Впрочем, я была не против, ведь мы собирались пожениться.

Конечно, Слоун могла бы рассказать своему внимательному слушателю, что Джейсон просто с ума сходил от ее «буржуазных пережитков», как он выражался. Он был уверен, что среди выпускниц Лос-Анджелесского университета не сыскать было другой такой, которая так цеплялась бы за свою девственность, словно это какое-нибудь сокровище. Джейсон буквально до слез ее доводил, упрекая за старомодные предрассудки, а она действительно ценила свое тело и не собиралась торговать им. Прирожденный торговец, он все же сумел внушить ей, что это эгоистично – не давать ему того, чего он так хочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.